

ДАНИИЛ ЗВЕРКОВ

ВАЭЛКАРИН

ЯЗЫК КРОВИ И ПЕРВОЙ ЖИЗНИ

Даниил Зверков

ВАЭЛКАРИН: Язык Крови и Первой Жизни

<https://litres.ru/74609554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре слова ваэлкарина можно перевести как «дом». Одно означает тепло очага, другое — место, куда тебя признают своим. Для Люциана Велкариса разница между ними стала частью собственной жизни.

После событий трилогии «Последняя Королева Ноктиры» Люциан возвращается к работе, которую откладывал столетиями: собирает язык ваэльдрайэ и передаёт его тем, кто будет жить дальше. Через слова о крови, памяти, выборе и смерти он рассказывает о древнем народе, близких ему людях и о том, как язык пережил падение прежнего мира.

На страницах книги звучат воспоминания об Аронелле и Пяти Домах, объясняются корни и тоны ваэлкарина, письмо Аэльтар и изменения, приведшие к валарину. Люциан сверяет собственную память с архивами и оставляет открытым то, чему не нашёл подтверждения.

Книгу завершает алфавитный словарь. Это личный труд о языке, который едва не исчез, и о будущем, в котором его снова смогут услышать.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ	5
Г	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Даниил Зверков

ВАЭЛКАРИН: Язык

Крови и Первой Жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Времена принято называть после того, как они миновали. Эпоха расцвета. Годы смуты. Век утрат. Названия помогают расположить события в хронике, но плохо объясняют жизнь человека, которому довелось через них пройти.

Я помню годы, которые называют счастливыми, хотя в них было достаточно жестокости. Помню годы, которые считают тёмными, хотя и тогда кто-то любил, строил дом или учил ребёнка говорить. В моей собственной жизни свет и мрак тоже не сменяли друг друга по порядку. Иногда они приходили вместе. Иногда я сам становился причиной того, о чём теперь предпочёл бы прочесть в чужой истории.

Сегодня передо мной лежит тетрадь. Я обмакнул перо и некоторое время смотрел на чистую страницу. Признаюсь: человек, всю жизнь желавший однажды написать нечто выдающееся, мог бы вести себя при встрече с такой возможностью увереннее.

Я не уверен, что достоин этой работы.

Это признание далось мне труднее, чем первая строка. Я слишком хорошо умею объяснять свои сомнения, чтобы не замечать за ними простой вопрос: имею ли я право говорить от имени языка, пережившего тех, кто научил меня его слышать?

Моя мать, Селария, не родилась Велкарис. Она вошла в этот Дом благодаря своему труду: изучала письмо, берегла старые тексты, дополняла записи о языке и возвращала смысл словам, которые другие уже переставали понимать. Я же родился Велкарис. В детстве мне казалось, что этого достаточно. Мать была достаточно занята, чтобы не разубеждать меня каждый раз, когда следовало бы.

Я часто видел её поздно вечером среди рукописей. Близости, о которой любят писать в воспоминаниях благодарные сыновья, между нами было немного. Но именно от неё я впервые узнал, что знак способен пережить голос, а записанное слово — того, кто его произнёс. Теперь, когда её уже нельзя спросить, я особенно ясно вижу, сколь многого она мне тогда не объяснила. Возможно, рассчитывала, что я однажды прочту сам.

Отец, Кайрен Таровен, счёл бы это недостатком обучения. Для него мысль приобретала цену, когда за ней следовал поступок. Мы с ним редко понимали друг друга с первого раза, а иногда и со второго. Лишь много позже я научился узнавать в его молчании то, что при жизни требовал назвать словами.

Я вырос в VeliThaen. Люди называли его Чёрным Шпилем ещё до того, как он превратился для них в название из хроник и страшных рассказов. Так им было проще. Название указывало на видимую башню; наше имя принадлежало целому месту, в котором я прожил юность. Об этой разнице я ещё расскажу.

При дворе Аронеллы люди не были редкостью. Когда я родился, они уже жили на землях ваэльдрайэ, работали, учились и появлялись в залах дворца. Но было бы нечестно называть то общество равным. Как бы Аронелла ни стремилась сблизить два народа, по положению любой ваэльдрайэ стоял выше человека. Многие из наших считали это естественным: люди слишком часто воевали между собой, и нам удобно было видеть в их распрях доказательство собственного превосходства. Взрослея, я тоже не сразу научился замечать, сколько высокомерия скрывалось в этом удобстве.

Аронелла верила, что мы способны жить иначе. Я знал её почти с рождения и видел не только королеву, к которой склоняли головы. Я видел, как она слушала, спорила, уставала и вновь принималась за дело, которое другие называли бы бесполезным. Она верила и в меня. Порой сильнее, чем я сам, и уж во всяком случае терпеливее, чем позволял себе мой отец. Мне нравилось её доверие. Я не всегда понимал, какой ответственности оно от меня требует.

Сератиэль занимал в её жизни место, которого я тогда не мог до конца понять. Я знал его, но близким другом ему не

был. О многом узнал со слов Аронеллы. Он родился человеком; она любила его, и он стал единственным человеком, которого её кровь обратила в полноценного ваэльдрайэ. Само это событие я не ставлю под сомнение. О том, *како*но произошло, мне известно гораздо меньше.

Не сохранилось свидетельства ваэльдрайэ, который стоял бы рядом с ними в тот день. По преданию, Аронелла дала Сератиэлю кровь из собственного запястья и произносила слова MaerVaelkarin, удерживая в нём жизнь и направляя силу преобразования. Рассказывали также, что она сама едва не погибла. Тогда никто из нас не знал пределов её природы; даже близким она не открывала всего. Теперь мы понимаем о ней больше, чем понимали прежде. Это всё равно не делает меня свидетелем того ритуала.

Лира, вероятно, посоветовала бы отделить последнюю фразу от предания более заметным знаком. Каэль спросил бы, зачем я вообще начал с истории, в которой столько неизвестного. Оба были бы правы. Я оставляю её здесь потому, что мой народ слишком долго принимал уверенный голос рассказчика за доказательство истины. В этой книге я постараюсь не повторять его ошибки. Не обещаю, что мне всегда будет легко.

Потом пришла Алая война.

Я мог бы описать падение VeliThaen подробно. Могу назвать тех, кого мы потеряли, и места, где когда-то стояли наши архивы. Но эта книга не станет летописью всех наших

войн. О той войне мне всё же придётся говорить: вместе с людьми погибли записи и голоса, без которых некоторые слова уже невозможно понять.

Когда исчезла Аронелла, я почувствовал, как оборвалось её привычное присутствие в нашей крови. Я не знал, жива ли она. И не отправился искать ответ. Много лет я находил для этого разумные объяснения. Теперь мне известно настоящее: я боялся узнать, что её больше нет.

Я ушёл из того мира. Сменял города и имена, иногда записывал услышанное, иногда месяцами не раскрывал своих тетрадей. Были в моей жизни годы, за которые мне стыдно. Долгая жизнь сама по себе никого не делает мудрым. Она лишь даёт больше времени заметить собственные ошибки — и, к сожалению, больше времени их совершить.

И всё же не все люди, встреченные мною после войны, остались для меня голосами в чужой толпе. Найра Солем писала книги и позволяла мне спорить с её страницами. Позднее Теон Марель показывал мне свои записи о звёздах и задавал вопросы, на которые я не всегда находил ответ. Их истории принадлежат им. Я упоминаю их здесь потому, что без них моя рука, вероятно, так и не вернулась бы к письму.

Я вновь встретил Аронеллу в Веларионе. К тому времени я успел так долго жить без ответа о её судьбе, что сама встреча поначалу казалась мне менее правдоподобной, чем все мои прежние догадки. Там же в мою жизнь вошли Каэль и Лира. С Каэлем мы не сразу научились доверять друг дру-

гу. У Лиры были основания сердиться на меня, и я не стану исправлять эту историю одним красивым предложением. Однако со временем я обнаружил, что снова думаю о них как о близких. Рядом с Аронеллой это чувство оказалось похоже на возвращение семьи — хотя ни один из нас не пришёл к нему прежним.

Мы победили Пустого Бога. Веларион теперь зовётся Аверетом. Здесь собирается Совет Первой Жизни, и люди с ваэльдрайэ снова пытаются построить общее общество. Я уже видел одну такую попытку и потому осторожен со словами о счастливом будущем. Но осторожность не освобождает меня от участия.

Я собирал материалы для этой книги задолго до нынешнего мира. Невария помогла мне вернуться к ним: сверяла записи, поддерживала работу и находила силы слушать, когда я в третий раз объяснял, почему два почти одинаковых слова нельзя печатать как одно. Благодаря ей и другим людям у меня теперь есть возможность закончить то, что я годами только откладывал.

Перед вами книга о Vaelkarin — языке ваэльдрайэ. Я расскажу о корнях и письме, о речи, которую ещё помню, и о формах, дошедших до нас изменёнными. Мне придётся говорить об Аронелле, Домах, людях и прожитых мною годах: иначе многие слова останутся понятными лишь на вид. Но я не берусь изложить всю историю нашего народа. Даже там, где сохранились документы, они отвечают далеко не на каж-

дый вопрос. Где-то я буду помнить сам, где-то доверюсь записи, а где-то смогу предложить только предположение.

Часть значений утрачена. Я предпочту оставить возле них пустое место, чем заполнить его объяснением, которое мне просто понравилось.

Сейчас за окном ещё темно. Передо мной лежат старые записи Селарии и мои собственные, сделанные в городах, которых я едва помню. Я начинаю с чистой страницы позднее, чем хотел, и всё же впервые знаю, для кого пишу.

Для тех, кто будет жить дальше и захочет услышать, что означали наши слова.

Составил Люциан Велкарис

Аверет ,

10 Светодара 704 года Счёта Четырёх Корон

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.